Владимир Казаков

Без права на ошибку

цикл: Лётчики (военный детектив)

Владимир Казаков

Без права на ошибку. Цикл «Лётчики» (военный детектив)

«Издательские решения»

Казаков В.

Без права на ошибку. Цикл «Лётчики» (военный детектив) / В. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742847-1

Эта книга «Без права на ошибку» — военный детектив. Рассказывать его — дело неблагодарное. Книгу нужно читать. Читайте. Будет интересно!

ISBN 978-5-44-742847-1

© Казаков В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Ракетчица 6
Глава 2. Показания Белки 8
Глава 3. Экзамен 10
Глава 4. Радист 12
Глава 5. Поиск 14
Глава 6. Вторая радиограмма 15
Глава 7. Багровое сито 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Без права на ошибку
Цикл «Лётчики» (военный детектив)

Владимир Казаков

Редактор Елена Бессонова

© Владимир Казаков, 2018

ISBN 978-5-4474-2847-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту повесть написал мой дед – Казаков Владимир Борисович. Заслуженный лётчик испытатель, член Союза писателей СССР, автор 28 книг. Его уже нет с нами больше 10 лет. И все эти годы я и моя мама вспоминаем его добрым словом. Нам его очень не хватает.

Теперь я тоже автор 12 книг написанных для детей и член Российского союза писателей. Пришло время собирать камни. Всему приходит свой срок, и важно, чтобы любое дело было сделано вовремя. Я попыталась заново отредактировать эту повесть, чтобы она ожила и по-прежнему была интересна современному читателю. Теперь ответственность за написанное я принимаю на себя.

Елена Бессонова

Глава 1. Ракетчица

На Саратов с юга наползал туман, медленно растекаясь по берегам Волги. Тускнели редкие огни затемненных улиц, нахохлились и полиняли домики под Соколовой горой. Город затягивался серым покрывалом, тонул в настороженной тишине.

Два курсанта авиационной школы с карабинами за плечами неторопливо поднимались в гору по узкой тропке, виляющей в зарослях бересклета.

Василий Тугов шел, нагнув голову, но ветки то и дело пытались сорвать натянутую до ушей пилотку, царапали руку, выставленную перед лицом.

Евгений Шейнин, посмеиваясь над товарищем-гренадером, легко проходил кустарниковые туннели даже на цыпочках.

Многих удивляла их дружба. Казалось, что общего между всегда спокойным, исполнительным, молчаливым великаном Туговым и тощим, длинноруким, вертлявым, языкастым Шейниным. А дружба возникла, неверное, потому, что командиры в воспитательных целях старались всегда и везде, соединять Тугова с Шейниным, своей властью давали Тугову служебное первенство, которое Шейнин принимал как должное, хотя в отличие от своего товарища имел сержантский чин и боевые медали позвякивали на его застиранной гимнастерке.

Вспыхнул прожектор, белым глазом прошарил кусты, и над военным городком повис тревожный вопль сирены.

– Вася, давай газ! – Шейнин легко толкнул товарища стволом снятого с плеча карабина. Они прибежали в казарму и сразу у входа встретились со старшиной. – Первый патруль прибыл из города. На Сенном базаре задержаны два спекулянта и сданы в комендатуру. Больше происшествий» не было! – доложил Тугов.

– Отдыха не будет. В строй! – зазвенел командным голосом старшина.

Здание гудело от топота солдатских ног. Хлопали дверки ружейных пирамид, сухо щелкали затворы, обоймы загонялись ударами ладони, и приклад стучал о бетонный пол – боец в строю.

– На сей раз тревога не учебная! – сказал дежурный офицер, и в шеренгах затих последний говорок, – наше подразделение выделено для облавы на ракетчиков в районе нефтеперегонного завода. Делимся на три группы. Первую возглавляю я. Вторую – старшина. Третью – курсант Тугов. Машины ждут у ворот.

* * *

Автомобили с курсантами неслись по затемненному Саратову, освещая дорогу подфарниками. Иногда впереди описывал красный круг фонарик патруля, головная машина отвечала троекратным миганием. До крекинг-завода доехали с ветерком. Офицеры скрытно рассредоточили людей вокруг объектов.

Волна дальних бомбардировщиков «хейнкель-111» вышла на город в 23.00 с точностью до секунды. И сразу же корпуса завода, бензобаки, подъездные пути осветились бледным светом выпущенных с земли ракет. Туман смазывал очертания зданий, цистерны расплывались в нем черными густыми пятнами. Вывел трель командирский свисток – курсанты поднялись из засад. С винтовками наперевес они двинулись вперед, сужая огромное кольцо. Ямы, залитые нефтью с водой, кучи щебня и полусгоревших бревен разъединяли неплотные цепи людей, и они, чтобы в темноте не потерять друг друга, сбивались в небольшие группки. В сторону речного моста мотнулась ракета, послышались выстрелы. Ракета брызнула звездочками и, будто пойманная чьей-то рукой, мгновенно потухла.

Самолёты повесили на парашютах авиалампы, их зыбкий свет с трудом пробивался через туман к земле. Громыхнул первый дальний взрыв.

Группа Василия Тугова подходила к подорванному нефтебаку. Поврежденный бомбой несколько дней назад, он стоял бесформенной черной громадой. Фонарики осветили его рваные бока. Стальные листы, взметнув острые края, нависли над воронкой, заполненной нефтью. Чрево бака ухнуло эхом близкого взрыва. Шейнин оступился и начал сползать в Яму, бормоча ругательства. Под узким лучом сверкнула маслянистая поверхность, и сильные руки кого-то из товарищей вытащили сержанта. Свет скользнул дальше, под вмятину в цистерне, и, дрогнув, потух.

– Вперед! – команда Тугова заглушила тихое бульканье на другом конце воронки.

Фигуры курсантов растаяли в темноте, а Шейнин потянул Тугова к земле.

Прошло несколько минут. От неосторожного удара гукнуло железо. Из густой темени разорванного бака вышел человек. Он торопливо сдирал с плеч мокрый комбинезон. Слышалось тяжелое дыхание. Комбинезон полетел в яму. Человек повернулся и увидел перед собой поднявшуюся с земли черную фигуру. В его лицо ударил сноп света, в грудь уперся жесткий ствол винтовки.

– Руки!

Но человек не успел поднять руки, их схватили сзади и заломили. Слабо вскрикнув, человек упал на колени. Луч фонаря остановился на его грязном лице.

– Баба!.. Это ж баба, убей меня бог! – воскликнул Шейнин.

– Это враг! Обыщи! – жестко сказал Тугов и одной рукой поднял с земли обмякшее тело.

Утром дежурный по управлению НКВД полковник Стариков записал в журнале: «В ночь на 25-е задержано три человека. В том числе ракетчица Гертруда Гольфштейн, уроженка г. Энгельса, республики немцев Поволжья. Следствие по ее делу поручено лейтенанту Гобовде В. В.».

Глава 2. Показания Белки

Двое суток Гертруда Гольфштейн молчала, сидела перед Гобовдой почти не шевелясь, лишь иногда просила воды. Кажется, она даже не слышала вопросов следователя. И только сегодня, когда ей предъявили найденные при обыске квартиры в глубоком тайнике документы и вещественные доказательства, обличающие её, она стала говорить.

Призналась в принадлежности к шпионской организации «Народный союз немцев, проживающих за границей», назвала, кличку: «Белка».

После эвакуации немцев из Поволжья Белка осталась жить на прежнем месте, так как была женой русского фронтовика, но агентурные связи, которые ранее поддерживала ее мать, нарушились.

В конце 1942 года ее посетил человек «оттуда», привез деньги, побеседовал и включил в небольшую мобильную диверсионную группу. Демаскировка крекинг-завода была одним из заданий Белки. Она назвала фамилии и адреса трех членов группы.

Пятичасовой допрос утомил и следователя, и Гольфштейн, но, прежде чем сделать перерыв, лейтенант Гобовда решил ещё раз уточнить кое-какие детали. Он чувствовал – далеко не всё сказала ему эта белокурая женщина с пустыми глазами.

– Под какой фамилией приходил к вам посланец «оттуда»?

– Хижняк Арнольд Никитич.

– После эвакуации ваших родственников из города были еще встречи, кроме тех, о которых вы уже рассказали? Учтите, Гольфштейн, честное признание облегчит вашу вину!

Женщина пошевелила губами, потом с усилием подняла голову и снова попросила воды. Пила жадно, проливая воду на кофточку. Промокнула губы рукавом и заговорила быстро, взволнованно.

– Я понимаю, для меня все кончено! Еще девчонкой, в восьмом классе, я по поручению матери знакомилась с красноармейцами, командирами и узнавала от них многое. Я и замуж вышла по выбору матери за военного. И прямо скажу, была горда беззаветной службой своей родине – Германии. А когда мать умерла, я осталась совсем одна! Страх заставил думать. Нет, не о том, что поступаю неправильно, я боялась быть схваченной, умереть. Особенно когда Хижняк послал меня ползать в грязи с ракетницей. Это был ужас! Я хочу жить! Расскажу все, что знаю. Хотя и понимаю, что оказалась мразью…

– Остановитесь! Вы отвлеклись, Гольфштейн, и не ответили на вопрос.

– Хижняк, кроме денег, оставил мне посылку для другого человека.

Гобовда постучал по столу карандашом и тихо попросил:

– Успокойтесь. Сосредоточьтесь, Рассказывайте не торопясь, подробно.

– В тайнике, где вы нашли шифроблокноты, радиодетали и оружие, совсем недавно лежал ящичек, зашитый в парусину, с сургучными печатями. Очень похожий на посылку. Хижняк сказал, что за ним придет мужчина и представится: «Я Тринадцатый!» Мужчина не пришел, а позвонил по телефону. Мы встретились во дворе кинотеатра «Центральный» после последнего сеанса, и я передала ему посылку.

– Опишите его, – подсказал Гобовда. – Было темно… Выше среднего роста, плотный, голос грубоватый, в фуражке, в солдатском бушлате.

– О чем говорили?

– Ни о чем. Он только поблагодарил. Хотя нет. Подождите… Он спросил: «А усилитель здесь?» Я не знала содержимое посылки. Вот все! – Гольфштейн начала выдергивать ниточки из рукава и накручивать их на пальцы. Выдернув несколько ниток, подняла глаза, – Он был в солдатском бушлате без знаков различия. Когда прятал посылку под бушлат, на петлице мундира я увидела авиационную эмблему.

– Не ошибаетесь?

– Я хорошо знаю знаки различия. В это время он вышел из тени, а была луна.

– Тогда вы видели и лицо.

– Козырек… Большой, квадратный, закрывал… Лицо широкое.

– У вас начинает прорезаться память, Гольфштейн, это хорошо.

– Я устала.

Гобовда открыл тощую папку, вынул из нее бумажку, поднес к глазам женщины:

– Вот этот адрес найден в вашей квартире. «Петровский район, лесхоз 10, Корень». Кто такой Корень?

Ракетчица откинулась на спинку стула и прикрыла веки. Вяло и безразлично ответила:

– Не знаю. Такого не помню. Еще до войны мы всей семьей ездили в лесхоз отдыхать. Там заповедник, красивые места. Может быть, это кто-то из знакомых матери.

– Его фамилия? – резко спросил Гобовда.

– Чья? – встрепенулась Гольфштейн.

– Агента, которому вы передали посылку около кинотеатра.

– Я ж говорила. Он мне известен только как Тринадцатый.

Гобовда обмакнул ручку в чернила и протянул ее женщине, пододвинув к ней листы синеватой бумаги.

– Прочтите протокол допроса, подпишите и можете отдыхать.

Она расписалась, не читая.

Передав арестованную часовому, лейтенант Гобовда открыл окно, сел на подоконник и задумался. Допрос, длившийся трое суток, почти не продвинул дело. Есть косвенная наводка на какого-то Корня, есть словесный портрет Хижняка, а вот Тринадцатый – совсем темная лошадка.

Гобовда посмотрел на улицу. Редкие прохожие ещё различались в сгущающихся сумерках. В чистом небе вырисовывался серп луны. Шли машины с синими щёлками подфарников.

Глава 3. Экзамен

По авиашколе распространился слух, что приехала государственная комиссия. – Пока нет, но сегодня прилетит генерал со свитой, – уточнил пришедший из штаба старшина.

– Тыловик? – поинтересовался Шейнин. – «Гусей» не наставит в летные книжки?

– Не дрейфьте, генерал боевой! К нему в дивизию попасть считают счастьем! – старшина пошел вдоль коек. Его наметанный глаз заметил прикрытую газетой пару нечищеных, с налипшей грязью сапог, указав на них старшина недовольно проворчал, – вы, Шейнин, скоро будете офицером, а культуры ни на грош.

– А скажите, товарищ старшина, вы, конечно, лично знакомы с генералом? – курсант постарался отвлечь внимание старшины.

– Не заговаривать зубы! – Выхваченные из-под койки сапоги полетели на середину казармы. Белейшим носовым платком старшина аккуратно вытер руки. – За нечистоплотность – наряд вне очереди!

Шейнин вытянулся и свел босые пятки:

– Есть! Понял! Драить полы – знакомая и непыльная работенка. Но смею заметить…

– Жень-ка! – укоризненно протянул Тугов, и Шейнин, скорчив недовольную мину, замолчал.…

* * *

На аэродроме трубно ревели двигатели, самолёты вешали в штилевом воздухе пыльные занавески. Звонкие голоса запрашивали у руководителя полётов разрешение на посадку, и он довольно улыбался, когда тяжёлые горбатые машины нежно проглаживали траву у посадочного знака, и крякал, видя грубую встречу с землёй.

Но вот в трубный рев штурмовиков вплёлся мягкий рокот. Из-за Соколовой горы выплыл транспортный самолет СИ-47. Красиво подвернув на посадочную полосу, он сел и подрулил к командному пункту. Из кабины вышел пышноусый генерал, за ним несколько офицеров.

– Смирно! – руководитель полетов шагнул вперед для рапорта. Генерал протянул ему широкую ладонь.

– Тянуть не будем. Показывайте машину, на которой я буду летать с курсантами. И подполковнику самолет. Знакомьтесь – мой заместитель.

Руководитель полетов поздоровался с моложавым подполковником.

– Лавров, – представился тот.

Фамилия была известна авиаторам. Будучи командиром полка, Лавров разработал несколько новых схем боевых порядков истребителей и успешно применял их в бою. Лавров отмечался в приказах по воздушной армии. В военной печати появлялись его статьи, обобщающие боевой опыт авиации.

Подполковник Лавров внимательно прочитал список курсантов, назвал несколько фамилий и направился к самолету.

– И на штурмовике летает? – руководитель полетов кивнул в сторону подполковника.

– Освоил «Ильюшина» за пару дней. Цепок, чертяка! – с гордостью ответил генерал.

– Ну давайте и мне кого-нибудь.

Генерал проверил в воздухе несколько человек и остался доволен.

– Хватит, что ли? Или еще одного? Ты мне, старина, наверное, лучших подсовываешь, а кого похуже прячешь в казарме. Знаю я вас! Ну-ка дай списочек наряда.

Генерал долго просматривал фамилии и, наконец, произнес:

– Шей-нин… Давайте его!

Старшина разыскал Шейнина в кухне, где тот рассказывал поварам анекдоты и одновременно таскал со сковородок стреляющие жиром шкварки. Шейнин пулей вылетел из кухни, уселся в автомашину.

– Как генерал?.. Ничего?

Старшина промолчал. Шейнин вздохнул и затянул ремень потуже.

– Злой, что ли, генерал? – тронул он за плечо шофера.

– А вот сейчас увидишь, – ответил тот и остановил машину против командного пункта.

Из-за угла КП вышел генерал. Шейнин до того растерялся, что так и остался сидеть в машине. Генерал поглядел, сдвинув брови, потом приложил руку к шлему и доложил:

– Товарищ курсант, эскадрилья проводит учебно-тренировочные полеты. Происшествий нет. Доложил генерал-лейтенант Смирнов!

Шейнин вскочил, багровый румянец облил щеки.

– Товарищ генерал! Курсант Шейнин прибыл по вашему приказанию!

– Разгильдяй, а не курсант!.. Марш в самолет! Сачок! Посмотрю, каков ты в воздухе.

Выскочив из машины сержант бежал со всех ног к штурмавику и боялся оглянутся…

…Самолет носился над приволжскими степями сорок минут. Резкими и неожиданными были его воздушные пируэты.. Из пикирования – в боевой разворот. Из боевого разворота – в вираж. Крутые и энергичные «восьмерки». При больших перегрузках широкое лицо генерала наливалось кровью, отяжелевшие веки прикрывали задорные глаза, а голос прорывался сквозь гул мотора.

– Хорошо! Кто научил тебя делать недозволенные фигуры? Ты и в воздухе разгильдяй! Ну ладно, давай еще разок, это неплохой финт для воздушного боя. Да не так! Давай покажу… Вот сейчас правильно! Выйдет из тебя штурмовик. Молодец! Набирай высоту. А теперь в «штопор»! Не можешь, боишься? – Генерал хватался за управление. – Что, не нравится? Этого не умеешь? То-то!.. Научишься падать сейчас – не упадешь в бою…

Шейнин; окрыленный похвалами генерала, отлично посадил самолет. Отпуская курсанта, Смирнов сказал:

– Неплохо. И откуда» в таком «чижике» сила? Беру к себе! Но если чуть что… смотри! А как у тебя дела? – обратился он к своему заместителю.

– В дивизию отобрал восемь человек. «Отлично» заслужил только один курсант Тугов, – сдержанно ответил подполковник Лавров.

А сержант Шейнин позже рассказывал всем, что генерал сразу присвоил ему звание «Сачок», что означает, если расшифровать: советский авиационный человек особого качества.

Глава 4. Радист

В радиоцентре Саратовского управления НКВД боевая тревога. Поднял ее дежурный радист третьего поста. Контролируя свой поддиапазон, он наткнулся на незапланированную передачу. Почти сплошным потоком лилась из динамика морзянка. Радист схватился за карандаш, но потом со злостью бросил его и нажал кнопку магнитофона.

Световой сигнал тревоги: заплясал на электротабло дежурных пеленгаторов, и через несколько секунд начали медленно вращаться круглые антенны направленного действия.

На настольном пульте полковника Старикова тоже засветилась красная надпись: «Работает Неизвестная радиостанция!»

Стариков вышел из кабинета, неторопливо спустился с третьего этажа, прошел через двор и в радиооператорской выслушал рапорт командира связи.

– Неизвестный радист дал триста знаков в минуту. Принять смогли только на магнитофон. Пеленги получились неустойчивые и размытые. В зону размыва попали здание сельхозинститута и военный аэродром авиашколы. Сближение оказалось невозможным из-за короткого времени радиосеанса. Даже не успели завести автомашины! Цифровой текст радиограммы принят почти полностью, он сейчас у дешифровщиков. Во время сеанса неизвестного радиста в сельхозинституте шли занятия, а на аэродроме авиашколы производились полеты штурмовиков ИЛ-2. Доложил…

– Вольно! – прервал офицера Стариков. – Что еще можете добавить?

– Есть странности, товарищ полковник. Во-первых, скорость передачи. Даже знаменитый Кренкель не способен на такой радиогалоп! Работал феномен! В «нашей зоне таких радистов нет!

– Как видите, есть, дорогой товарищ.

Офицер немного смутился от вольного обращения начальника, но продолжил рассказ о своих наблюдениях. Он сообщил, что передача велась на радиоволнах, не обеспечивающих дальность. Обычно на этих частотах не работают ключом, а ведут передачи голосом. Необычная скорость передачи оказалась неожиданной для радиста, поэтому он и запоздал с приемом радиограммы. Офицер обратил внимание полковника, что месяц назад они бы не смогли контролировать такую передачу – не было новых ультракоротковолновых пеленгаторов.

К концу дня начальник дешифровальной группы доложил полковнику Старикову о затруднениях криптографов[1] в расшифровке перехваченной радиограммы. Они считали: ключом к цифровому шифру является какой-то текст прозаического или стихотворного произведения, поэтому предстоит трудная и длительная работа…

– Ну, а как подписана радиограмма? – перебил его полковник.

– С интервалом отбита цифра « тринадцать».

Отпустив начальника дешифровщиков. Стариков вызвал лейтенанта Гобовду и поинтересовался ходом следствия по делу Гертруды Гольфштейн.

– Я считаю, она сказала все! – так закончил свой короткий рассказ лейтенант.

Гобовда был совсебм молодым следователем, и обычно ему поручались наиболее простые дела. Дело Белки дало побочные линии, усложнялось и казалось лейтенанту малоперспективным, почти не раскрываемым. А лейтенанту хотелось быть замеченным, хотелось быстро раскрыть эффектное дело.

– Почему вы так думаете? – спросил Стариков.

---

[1] Криптография – наука о методах обеспечения конфиденциальности (невозможности прочтения информации посторонним),

– Белка дала нам Хижняка, Тринадцатого и Корня. На Хижняка – только словесный портрет. На Тринадцатого – лишь авиационную эмблему при лунном свете. Как установила экспертиза, адрес Корня записан почерком, не принадлежащим никому из семьи Гольфштейн. В нашем распоряжении были письма всех членов семьи. Давность написания пять-шесть лет. Адрес найден не в тайнике, а в письменном столе, так что человек, проживающий по нему, если он еще там проживает, может быть, и не имеет никакого отношения к нашему делу.

Стариков закурил и, выпуская клубы дыма, пристально смотрел на Гобовду. Ему не понравились ни скороспелые выводы следователя, ни его настроение. Следователь «не вошел» в дело, оно не захватило его. В таких случаях лучше заменить исполнителя. Но опытных сотрудников не хватало. Да и этому крепкому, энергичному пареньку нужно набирать опыт.

– Я вам хочу предложить версию, Гобовда. Она основана пока только на предположении. – Стариков поудобнее устроился в кресле. – Давайте сопоставим показания Белки и некоторые факты. Вы считаете, что она передала Тринадцатому портативную радиостанцию?

– Да, товарищ полковник, его вопрос: «И усилитель здесь?..» – мог относиться только к радио- или электроустройству.

– Допустим. Вы также считаете Тринадцатого причастным к авиации. Понимаю, понимаю… на петлице авиационная эмблема. Допустим и это, хотя форму он мог бы надеть любую. Итак, радиостанция, которая передана Хижняком, обрела хозяина авиатора. Для чего он ее взял?

– Не любоваться же…

– Для работы. И вот сегодня – следите внимательно, Гобовда, – сегодня наши радисты засекли неизвестный передатчик. Пеленг на него прошел через аэродром авиашколы, где в это время летали. Нерасшифрованная радиограмма подписана индексом тринадцать.

– Вот здорово, товарищ полковник!

– Это плохо, Гобовда. Очень плохо! Если враг затаился в авиашколе, поиск расплывается по всей стране. В школе только курсантов более трехсот человек. Сегодня они закончили учебу и разъезжаются по воинским частям, некоторые во фронтовую полосу, а кое-кто инструкторами в другие авиашколы. Задержать их нам никто не позволит, поиск предстоит длительный, люди нужны фронту. Что будем делать, лейтенант Гобовда?

– Узнав место назначения каждого курсанта, сориентируем на поиск местные органы наркомата и войсковые отделы СМЕРШа[2].

– Хорошо… Еще одна деталь… Прочел в деле описание Хижняка: высокий, узкоплечий, сутулый, глаза голубые, под глазами мешки, на вид лет пятьдесят. Арнольд Никитич, так?.. Но, хочу уведомить вас, лейтенант Гобовда, Хижняк Арнольд Никитич проходит у нас еще по одному делу, и словесный портрет его совсем другой. Маленький, полный… дальше говорить не стоит. Вот вам загадка, если, конечно, Белка не врет.

Они посидели молча, докурили папиросы. По раскрасневшемуся лицу молодого следователя Стариков определил, что у него появились новые идеи. Когда-то и он быстро загорался, с энтузиазмом хватался за появившуюся ниточку, но она вдруг обрывалась. Разочарование. Бессонница. Со временем Стариков понял – это и есть опыт.

– На составление ориентировок в войсковые части даю вам двое суток! – твердым командным голосом полковник вывел Гобовду из задумчивости. – Вплотную займитесь поиском Корня. На Хижняка нужно составить фотоизображение, но это не ваша задача, о нём Хижняке позаботятся другие. Действуйте, лейтенант Гобовда.

---

[2] СМЕРШ – буквально «Смерть шпионам» – название отделов военной контрразветки.

Глава 5. Поиск

Темнело. В двухстах километрах от Курска, на аэродроме, взвыл и затих последний опробованный мотор. В землянке дивизионного отдела СМЕРШа мерцали радиолампы, слышался треск и вой перегруженного эфира. У приемника сутулилась радистка Елена Васенко и, мягко трогая верньеры, «прощупывала» заданный диапазон радиоволн.

Старший уполномоченный капитан Неводов ел из котелка остывшую кашу. Задумавшись, он не замечал, как рука с ложкой помимо воли хозяина проделывает путь ко рту. Мысленно капитан был еще в кабинете начальства и обдумывал, как лучше выполнить поставленную задачу. В Саратове запеленгован неизвестный радиопередатчик, поймана диверсантка, и весь ход начавшегося расследования изложен в пространной ориентировке. В связи с этим делом. Неводову поручили глубокую проверку выпускников Саратовской авиашколы, недавно прибывших в часть.

Капитан отодвинул котелок с кашей, зажег лампу, взял с края стола одну из папок и раскрыл её. Его крупная голова, обрамленная мягкими седеющими, волосами с правильным круглешком плеши на темени, низко склонилась над бумагами.

– Ну, что у тебя, Еленка? – оторвался Неводов от бумаг.

– Один свист, товарищ капитан.

– Терпение, Лена, терпение!.. Вчера к нам в часть прибыли новые женихи. Видела?

– Не интересуюсь!

– А зря! Вот посмотри… – капитан вынул из личного дела фотографию Василия Тугова. – Красавец! Соболиные брови. Смоляной казацкий чуб. До авиации был неплохим оперативником МУРа. И я знаю, он тебе уже пытался подарить цветы.

Елена подошла и встала за спиной Неводова.

– А этот, – капитан достал фотографию Евгения Шейнина, – совсем герой! Бывший полковой разведчик, трижды награжден за дерзкие действия в тылу врага. На вид и не подумаешь, правда?

– Почему? Он кажется весёлым и …хитрым

– Да, ухмылочка у него не простая. Острый нос, тощие губы… Тебе нравятся парни с такими озорными глазищами?

– Разве дело во внешнем виде? – сказала Елена и снова уселась за свой столик.

Лампа моргнула несколько раз, закоптила и погасла. На стене вырисовывался светлый квадрат окошка. Неводов взглянул на русые волосы девушки, рассыпанные по плечам, вздохнул и прикрыл отёкшие от бессонницы веки. Елена продолжала медленно покручивать верньеры[3] приёмника, контролируя диапазон, в который входила волна, унесшая из Саратова радиограмму неизвестного передатчика.

[3] Верньер – В радиотехнике – приспособление для точной настройки радиоприёмников и др. радиоаппаратуры.

Глава 6. Вторая радиограмма

Генерал Смирнов вошел в кабинет, медленно обвел взглядом своих, вскочивших для приветствия, помощников.

– Прошу садиться! Начштаба, выкладывай свои заготовки.

– Через реку Сейм немцы навели мост на притопленных понтонах и к нему из Курска двигают большие силы. Мост почти незаметен с воздуха. Две попытки уничтожить его не удались. Первый раз летчики бомбили песчаную косу, Приняв ее подводный язык за цепь понтонов, при втором налете самолеты не смогли прорвать огневой заслон. Теперь переправа используется только ночью… Штаб предлагает бомбить ночью, с малой высоты, снарядами замедленного действия. Кроме того, нам дают морские торпеды. Авиации помогут разведчики, они обозначат линию моста ракетами.

С пояснениями к плану выступили начальники оперативного отдела и разведки. Генерал Смирнов слушал, изредка посматривая на подполковника Лаврова. Неводов знал, как любит Лавров возражать штабникам. Вот и сейчас его спокойный голос не предвещал ничего хорошего составителям плана.

– С планом, товарищ генерал, я познакомился два часа назад. Он прост, но создается впечатление, что его составители упустили специфику летной работы. Бомбежка ночью! По точечной цели! Кратковременный подсвет и обозначение! – На загорелом лице подполковника беловато выделился осколочный шрам, проползший от челюсти к левому глазу. – Я много летал ночью, но не гарантирую, что, во-первых, найду цель, во-вторых, попаду в нее. А в полках лучшие летчики имеют мизерный ночной налет!.. Выигрышные пункты меня радуют: скрытность полета – раз! – Лавров отогнул палец сжатого кулака. – Отсутствие истребительного прикрытия переправы – два! Он разжал ладонь и загнул сразу два пальца. – И наконец, мысль застать колонны противника на форсировании реки – три!

Лицо начальника штаба посветлело.

– Но почему же ночью? – спросил Лавров. – Ведь этих преимуществ можно добиться и просто в плохую погоду!

– По данным разведки, переправа производится только ночью, – возразил начальник оперативного отдела. – Потому что погода стоит ясная и противник рисковать не хочет! Но, разрабатывая авиационные операции, неплохо бы держать связь с метеорологами. Подходит циклон. Прикрываясь нелетной погодой, немцы будут переправляться и днем.

– Предлагай, подполковник, – сказал Смирнов. – Ручаться могу за такой вариант. Вылетаем в первый день так называемой «нелетной погоды». Синоптики обещают ее послезавтра. Практики таких налетов у нас мало, и противник наверняка станет переправляться. Так же как и ночью, будет отсутствовать истребительный заслон. Маршрут полета можно изменить. Пусть самолеты выйдут на реку Сейм и пойдут к мосту по ней. Кроме облегчения ориентировки, еще одна выгода: следуя по реке, можно поразить цель сразу, без дополнительных перестроений и заходов. Бомбы замедленного действия позволят атаковать с бреющего полета. У меня пока все!

– А мои джигиты нужны в вашем плане? – спросил начальник разведки.

– Обязательно.

– Что скажет начштаба в защиту своего варианта? – Генерал поднялся из-за стола.

– Ничего… Только ведь подполковник мог поправить нас раньше.

– Извините, но окончательно все утряслось в голове только в процессе вашего доклада, – объяснил Лавров. – А ночной вариант следовало бы оставить запасным.

– Так и решим! Смотри, чтобы твои джигиты не обмишурились! – Генерал погрозил пальцем начальнику разведки. – По вашей части есть замечания, капитан Неводов?

– Когда будет поставлена задача экипажам?

– За час-полтора до вылета. Устраивает?.. Ну вот и хорошо! Все!

Неводов с Лавровым вышли из штаба вместе.

– Вы на аэродром?.. Хотите подъехать? Прошу! – Лавров гостеприимно открыл дверцу трофейного «опеля». – Между прочим, у меня для вас подарок. Покопавшись в большой штурманской сумке, с которой он никогда не расставался, Лавров вынул горсть монет и ссыпал их в ладонь Неводову. – Есть две довольно редкие.

– Спасибо! Но откуда?..

– Я слышал, что вы безнадежно больны нумизматиэмом[4]. Эти реквизированы у сбитого «макаронника». Наслаждайтесь.

Маленький «опель» резво бежал к аэродрому.

– Итальянец подал интересную мысль, – говорил Лавров, заполняя кабину ароматным дымом «Северной Пальмиры». – Его пугал сильный огонь наших штурмовиков. И я подумал: что, если попробовать маневренные качества ИЛа? Представьте, он довольно сносно выполняет фигуры высшего пилотажа. В сочетании с мощным огнем это опасно для любого истребителя. Сейчас попробую тренировать молодых пилотов… Еще минуту, капитан. Лавров достал из сумки плитку шоколада. – Передайте Елене… И не судите строго старого холостяка.

– Она, кажется, крепко подружилась с лейтенантом Туговым.

– Да?.. Все равно передайте, – Лавров захлопнул дверку машины и поехал на дальний конец стоянок.

Около самолетов, замаскированных соломенными матами, работали техники и летчики. Один из ИЛов был тесно окружен людьми. Два парня в измазанных маслом комбинезонах приклепывали к фюзеляжу Т-образные металлические рейки. Невысокий летчик мешал капитану смотреть, и Неводов легонько отстранил его.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – сказал тот.

– Здравствуйте, Шейнин. Что здесь происходит?

– Клепают направляющие для реактивных снарядов. Видите, зашел «худой» в хвост, а ему в пасть гостинец из четырех эр-эс?

– Кто это придумал?

– Вася!.. То бишь лейтенант Тугов, собственными мозгами!

Неводов нашел глазами Тугова, подошел к нему:

– Василий Иванович, вы не забыли о моем предложении? Помните наш разговор?

Тугов помнил. Все помнил. В тот вечер он провожал Елену на дежурство. Около землянки СМЕРШа, прощаясь, обнял девушку. От ее волос, щекотавших глаза, пахло ромашкой.

Грезы разрушил голос:

– Отставить! Обоим войти в землянку!

Лена сразу, как мышка, скользнула в светлый проем двери, а Тугова кто-то взял под руку.

– Думаете умыкнуть мои кадры, лейтенант? – спросил капитан, когда они уселись друг против друга за столом. – Не возражаю, но потребую кое-какой компенсации… Я вас приметил, еще тогда, когда у столовой вы пытались всучить Еленке букет ромашек. Припоминаете?..

Неводов долго расспрашивал Тугова о его работе в Московском уголовном розыске и наконец сказал:

– Вот никелевая монета, чеканенная в Берлине. На аверсе что? Читайте.

– Тысяча восемьсот девяносто восьмой год. Одна копейка.

– А теперь смотрите реверс, – Неводов повернул монету. На обратной стороне раскинул крылья прусский орел. – Ее как эталон никелевой монеты предлагали России… Для нас, нумизматов, двуличная монета ценна, и подобные ей люди, между прочим «отлитые» не так

[4] Нумизматика – дисциплина, изучающая историю монетной чеканки и денежного обращения.

уж далеко от того же монетного двора, представляют еще больший интерес. Так как, Василий Иванович? А то давайте к нам в контрразведку. С кадровыми органами я согласую.

Тугов растерянно молчал.

– Что в распоряжении шпиона на земле? – продолжал Неводов. – Их средства передвижения: ноги, автомобиль, поезд, редко пассажирский самолет. И всегда вокруг него наши советские люди. Ошибся чекист, другие могут помочь исправить ошибку. А в авиации шпион имеет крылья, в полете часто один. Понимаешь? Тут ошибки должны быть исключены. Надо обнаруживать врага на земле, обезвредить. – В УРе я был оперативным работником, – нерешительно пояснил Тугов. – Оперативным! Выявляли другие.

– Подумайте, Василий Иванович. Хорошо подумайте. Вы имеете опыт работы…

С тем они в этот вечер расстались.

* * *

Подплыло облако пыли от взлетевшего штурмовика. Ревущая машина, подняв нос, карабкалась в небо. Подполковник Лавров повез очередного летчика на пилотаж. – Ну как, Тугов, решил? – Неводов снял фуражку, вытер платком вспотевшую лысину.

– Я ведь боевой пилот, товарищ капитан. Разве нельзя обойтись без меня? занервничал Тугов.

– Ну, ну… Летай! – капитан помахал рукой шоферу бензозаправщика, едущему в сторону городка…

В землянке он увидел прильнувшую к рации Елену. Она предостерегающе подняла палец. На радиостанции светился подконтрольный диапазон, в такт принимаемым знакам дергалась стрелка прибора настройки. Неводов схватился за телефон.

– Двадцать шестой… Я восьмой! Что у вас?

– Есть пеленг!

– Сотый… Я восьмой! Доложите!

– Восьмой, вас срочно вызывает « Первый-зет». Включаю! – сказали с коммутатора.

Неводов откликнулся на голос начальника контрразведки воздушной армии полковника Кронова.

– Неводов, немедленно блокируй лес северо-восточное хозяйства Смирнова! Точка схождения пеленгов там, в десяти километрах от вашего аэродрома. Роте охраны и командиру БАО2 отданы распоряжения. Действуй, капитан, действуй!

Глава 7. Багровое сито

Полк подняли по тревоге за тридцать минут до рассвета. Летчики и техники выскакивали из землянок под проливной дождь, в темноте шлёпали по лужам к самолётам. Пуск – и двигатели, прочихавшись, выбрасывали из патрубков красное пламя. Вскоре по всем стоянкам покатился гул.

Евгений Шейнин, выключив мотор и не покидал теплой кабины, расматривал через запотевшее стекло молоденьких оружейниц, проверяющих подвеску бомб и реактивных снарядов. К самолету шел Тугов. Шейнин откинул колпак кабины, перекинул ноги через бортик и молодцевато спрыгнул в лужу. Вода из-под сапог брызнула на одежду Тугова. Тот поморщился:

– Мог бы и поаккуратнее!

– Извини. Считай, окропил тебя живой водичкой перед боем!

– Знаешь, Женька, мне торпеду под брюхо подвесили. Что с ней делать?

– Расскажут. Пошли рысцой, а то и так последние… Вот тут рай! – выкрикнул Шейнин, вбегая под натянутый на колья брезент.

Задачу на штурмовку понтонной переправы ставил подполковник Лавров. Разъяснял, водя указкой по большой схеме:

– Пойдет девятка. Командир третьей эскадрильи не раз лазил в такую погоду, ему и карты в руки. Ориентировка сложная, поэтому сначала с курсом двести сорок градусов выйдете на железную дорогу Белгород – Курск в районе станции Солнцево. Рядом Сейм. Разворачиваетесь и летите по реке к городу. Как только подойдете к острову Зеленый – видите, какая у него своеобразная конфигурация? – засекайте время. Через восемь минут готовность. Через десять под вами будет переправа, обозначенная ракетами. Уничтожить! Немцы двигают по ней крупные силы в район Беседино – Становое. – Подполковник выглядел нездоровым, шрамик на загорелой щеке посинел, но движения были энергичны, голос, как всегда, ровен и сух. – Два штурмовика несут торпеды. Ничего сложного. Сбрасывайте, не долетая двести-триста метров до мостов. Заглубление торпед соответствует усадке притопленных понтонов… Вопросы есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.